

Меттернихъ и нѣмецкіе университеты *).

Наполеоновская эпоха, въ особенности же войны за освобожденіе произвели глубокий переворотъ въ средѣ учащейся молодежи. Съ тѣхъ поръ, какъ тысячи студентовъ, сражавшихся въ рядахъ волонтеровъ за освобожденіе родины, возвратились опять въ стѣны университетовъ, университетская жизнь не могла уже войти въ свою прежнюю колею. Новыя высокія идеи свободы, національности, религіозной нравственности не могли ужиться съ прежнею рутиною, съ безмысленными кутежами, съ бездушными корпораціями, съ механическимъ, чисто хлѣбнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Новый лучшій духъ, проникавшій тысячи молодыхъ сердецъ, настойчиво требовалъ новой, болѣе серьезной, болѣе достойной формы университетской жизни. И вотъ, въ средѣ молодежи зародилась мысль основать такую корпорацію, которая обнимала бы собою всѣ нѣмецкіе университеты, въ основѣ которой лежали бы идеи національности, свободы, религіи, которая должна была противодействовать всѣми силами партикуляризму, бездушной формалистикѣ, безмысленнымъ думамъ. Учрежденная первоначально въ Іенѣ 12-го іюня 1815 г. буршеншафтъ быстро распространилась почти по всѣмъ нѣмецкимъ университетамъ, а сочувствіе, съ которымъ отнеслись къ ней

многіе изъ уважаемыхъ и любимыхъ профессоровъ, возвысило еще болѣе ея популярность въ кружкахъ молодежи. По своему внутреннему содержанію эта буршеншафтъ вовсе не была опасна, внѣшность же ея была крайне оригинальна, даже смѣшна. Идеаломъ буршеншафтеровъ былъ извѣстный отецъ гимнастовъ, Янъ, тотъ самый Янъ, котораго Арндтъ называлъ очищеннымъ Ейленшпителемъ, а Штейнъ набитымъ, ломающимся дуракомъ. Какъ не сумасбродны были идеи этого Яна, но студенческая молодежь увлекалась ими. Его дикая, смѣшная ненависть къ французамъ не могла не нравиться бывшимъ участникамъ войны за освобожденіе. Съ восторгомъ привѣтствовали они нелѣпое предложеніе Яна развести на границѣ съ Франціею громадный дикій лѣсъ, населить его зубрами и хищными животными и тѣмъ оградить Германію отъ тлетворнаго вліянія развращенныхъ галловъ. Янъ и его друзья, бурши, мечтали о восозданіи какой-то первобытной нѣмецкой народности; съ энтузіазмомъ толковали они о Тевтонахъ и Херускахъ, требовали возвращенія къ простымъ, неиспорченнымъ нравамъ старины, гремѣли противъ современной изиѣженности, сидѣнья въ комнатахъ и за печью, вели войну противъ французской моды, наряжались въ длинные сюртуки, украшали свои трубки трехцвѣтными кисточками и говорили на особомъ языкѣ, тщательно очищенномъ отъ всѣхъ иностранныхъ словъ. Увлекаясь подоб-

ными фантазіями, буршеншафтъ далека была отъ всякаго преслѣдованія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей, она стремилась лишь къ одному къ возбужденію національнаго духа — въ средѣ нѣмецкой молодежи. Тѣмъ не менѣе большинство нѣмецкихъ правительствъ съ самаго начала отнеслось съ недовѣріемъ къ новой студенческой корпораціи. Не нравилось крайне уже одно ея враждебное отношеніе къ партикуляризму, о поддержаніи и развитіи котораго такъ отечески заботились нѣмецкіе правители; а легкомысленное поведеніе буршей, ихъ старо-германская грубость, ихъ громовыя рѣчи противъ тирановъ сдѣлали ихъ вскорѣ крайне опасными въ глазахъ всей консервативной партіи. Впрочемъ отъ недовѣрія къ общинѣ буршей было еще далеко до рѣшительныхъ мѣръ противъ нихъ, если бы не обдуманнѣйшій поступокъ нѣсколькихъ экзальтированныхъ головъ не подалъ, наконецъ, Меттерниху давно ожидаемый и желанный поводъ къ вмѣшательству.

18-го октября 1817 г., вся протестантская Германія праздновала трехсотлѣтнюю годовщину реформации и вмѣстѣ съ тѣмъ пятилѣтнюю годовщину Лейпцигскаго боя. На этотъ же день буршеншафтъ назначила собраніе своихъ членовъ въ Вартбургѣ, „дабы достойно отпраздновать тамъ тройной праздникъ реформации, Лейпцигской побѣды и перваго веселаго и дружественнаго съѣзда нѣмецкихъ буршей“. Разосланы были приглашенія по всѣмъ

протестантскимъ университетамъ, ото всѣхъ, за исключеніемъ четырехъ, явились представители. Городскія власти Эйзенаха, духовенство, нѣсколько іенскихъ профессоровъ приняли участіе въ празднествѣ. Большинство участниковъ-студентовъ прибыло изъ сосѣдней Іены, но число всѣхъ собравшихся не превышало 500 чел. Торжество носило на себѣ строго-религіозный отбѣнокъ; оно началось и закончилось на первый день богослуженіемъ и пѣніемъ хораловъ въ большой рыцарской залѣ замка. На другой день послѣ литургіи происходило торжественное празднованіе эвхаристіи, причомъ приобщалось болѣе 200 студентовъ. Рѣчи, произнесенныя въ оба дня, отличались серьезнымъ, подчасъ восторженнымъ, но не политическимъ характеромъ. Правда, слышались голоса объ столькихъ обманутыхъ надеждахъ, раздавались возгласы, что лишь одинъ государь честно исполнилъ свое слово и даровалъ конституцію (герцогъ Веймарскій Карлъ-Августъ), но за то слышались и инныя рѣчи. Профессоръ Окенъ предостерегалъ молодежь отъ самовознесенія и доказывалъ буршамъ, что не приличествуетъ имъ обсуждать государственныя вопросы. Да и въ средѣ самихъ студентовъ раздавались голоса, полные надежды и довѣрія къ будущему отечества. Уже празднество подходило къ концу, уже на высотахъ Вартенберга, насупротивъ Вартбурга, загорались въ вечернемъ сумракѣ радостные октябрьскіе огни, когда нѣсколько десятковъ

буршей задумали завершить торжество по своему. Разведенъ былъ громадный костеръ, у костра явилось нѣсколько студентовъ, одинъ изъ нихъ тащилъ корбъ съ книгами, другіе, съ вилами въ рукахъ, принялись швырять въ огонь произведенія, ненавистныя буршамъ. При громкомъ ликованіи небольшой толпы сожжены были: брошюрка Иммермана противъ буршеншафта, нѣмецкая исторія Коцебу, кодексъ жандармеріи Кампца, доносы Шмальцена, сочиненія Галлера, Ансилона, Вангенгейма и друг. Въ заключеніе были брошены въ огонь: гессенская коса, австрійская корпаралская палка и прусскій гвардейскій корсетъ.

Трудно представить, какую бурю негодованія вызвала эта, правда, легкомысленная, но въ сущности не имѣвшая никакого значенія выходка, во всемъ реакціонномъ лагерѣ. Даже такіе умѣренные и въ сущности либеральные люди, какъ Штейнъ и Нибуръ, порицали поступокъ студентовъ. Кампцъ въ наглость писемъ къ великому герцогу Веймарскому требовалъ защиты отъ толпы одичалыхъ профессоровъ и увлекаемыхъ ими студентовъ. Пруссскій канцлеръ, князь Гарденбергъ, и австрійскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Циши, лично отправились въ Веймаръ и Іену, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ небывалое злодѣяніе. Четыре великія державы: Россія, Франція, Австрія и Пруссія обратились съ грозными нотами въ Веймаръ. Тѣснымъ со всѣхъ сторонъ герцогъ Карлъ-Августъ принужденъ

былъ отмѣнить свободу печати и ввести вновь цензуру, запретить газету, проектированную буршами, назначить слѣдствіе надъ нѣсколькими профессорами. Но дѣйствуя такимъ образомъ, герцогъ нисколько не скрывалъ, что онъ уступаетъ лишь давленію извнѣ. Понятно, что негодованіе буршей и ихъ сторонниковъ должно было обратиться не на герцога, а на вожаконъ европейской реакціи и ихъ вождя Меттерниха.

Не успѣло еще изгладиться впечатлѣніе, произведенное вартбургскимъ дѣломъ, какъ буршей постигъ уже новый ударъ изъ реакціоннаго лагеря. Нѣкто Стурдза, молодой валахскій бояринъ, выступилъ съ брошюрою, въ которой рисовалъ самыми мрачными красками развитіе революціоннаго духа въ Германіи. Съ особенною энергіею порицалъ Стурдза систему публичнаго воспитанія въ Германіи, въ ней онъ усматривалъ самую печальную сторону нѣмецкихъ общественныхъ порядковъ. Правительства, утверждалъ онъ между прочимъ, смотря на университеты исключительно, какъ на финансовую спекуляцію, привлекающую въ страну деньги; профессеры заботятся лишь о гонараріи и популярности; студенты создаютъ преступныя революціонныя общества, преслѣдующія цѣли чисто революціонныя. Какъ ни жива и извращена была вся аргументація Стурдзы, тѣмъ не менѣе брошюра его произвела сильное впечатлѣніе на государей и министровъ, съѣхавшихся на кон-

*) Отрывокъ изъ печатающагося сочиненія профессора В. К. Надлера „Европейская реакція и князь Меттернихъ“.

грессъ въ Ахенъ въ 1818 г. Меттернихъ и компанія осыпали автора комплиментами, императоръ Александръ лично раздавалъ брошюру членамъ конгресса. Неудивительно послѣ этого, что вся университетская молодежь накинулась на Стурдза. Не довольствуясь опроверженіями и бранью, нѣсколько студентовъ вызвали автора на дуэль. Трусливый бояринъ поспѣшилъ заявить, что онъ думалъ и писалъ по приказанію императора Александра и не можетъ дать поэтому никакого удовлетворенія. Понятно, что послѣ такого заявленія, студенты, среди всеобщаго смѣха либеральной партіи, отказались отъ своего вызова, но исторія эта, какъ и слѣдовало ожидать, усилила еще болѣе волненіе въ средѣ молодежи. Ненависть къ врагамъ просвѣщенія, въ особенности же къ дѣйствительнымъ и мнимымъ правительственнымъ шпіонамъ росла съ каждымъ днемъ и грозила вырваться наружу. Никто не возбуждалъ такого негодованія, какъ извѣстный литераторъ Коцебу, проживавшій въ Веймарѣ въ качествѣ русскаго агента и посылавшій отъ времени до времени свои донесенія въ Петербургъ. Одно изъ такихъ донесеній, касавшееся специально университетовъ и буршей, случайно попало въ руки профессора Лудена и было напечатано имъ въ журналѣ „Немецида“. Злостныя инсинуаціи Коцебу произвели потрясающее впечатлѣніе на студента К. Занда и увлекли его на путь преступленія. Коцебу палъ подъ уда-

рами его кинжала. Вѣсть объ убійствѣ пронеслась подобно громовому удару надъ всею Европою. Люди свободнаго образа мыслей единогласно порицали преступленіе, но сожалѣли въ то же время объ убійцѣ. Знаменитый берлинскій богословъ де-Ветте обратился съ утѣшительнымъ посланіемъ къ несчастной матери Занда. Геррессъ заявилъ печатно въ своемъ „Меркуріи“: „вся Германія порицаетъ убійство, но одобряетъ его мотивы“. Сумасбродъ Янъ не задумался прославлять дѣло Занда и ставить убійство Коцебу на одну доску съ убійствомъ Цезаря. Нашлись и подражатели Занда. Какой-то фармацевтъ Леннингъ совершилъ покушеніе на жизнь совѣтника Ф. Ибеля, по счастью неудачное. Меттернихъ и его друзья ликовали. Теперь настала ихъ пора, теперь должны были раскрыться глаза у всѣхъ правительствъ, теперь можно было раздавить разомъ гидру революціи. „Насильственные катастрофы въ мірѣ физическомъ и моральномъ, писалъ Генцъ своему покровителю, могутъ оказаться полезными, даже благотѣльными, въ томъ случаѣ, если они вызовутъ рѣшенія и мѣры, которыя безъ нихъ послѣдовали бы или слишкомъ поздно, или, быть можетъ, никогда“. Генцъ высказываетъ надежду, что покушеніе на Коцебу по дѣйствуетъ благотѣльнымъ образомъ на Императора Александра, заставитъ его вліять рѣшительно на Пруссію, Баварію и Германію вообще, положить,

наконецъ, предѣлъ нерѣшительности и колебаніямъ. Генцъ твердо убѣжденъ, что теперь должны прекратиться всякіе дебаты о свободѣ печати. „Трудно повѣрить, замѣчаетъ онъ, чтобы хотя одно союзное правительство было настолько безстыдно, чтобы предлагать ввести свободу прессы тѣмъ правительствамъ, которыя не теряли ее до нынѣ. Что же касается до вѣчно непростительнаго пункта союзаго договора, который говоритъ и фантазируетъ объ общихъ постановленіяхъ на счетъ этого предмета, касающагося самыхъ важнѣйшихъ верховныхъ правъ, то онъ не сомнѣвается ни на минуту, что Австрія не проминетъ воспользоваться этою удобною минутою и торжественно заявить на сеймѣ о полнѣйшей невыполнимости и невозможности подобныхъ параграфовъ“. Въ заключеніе, Генцъ доказываетъ необходимость самыхъ энергическихъ мѣръ въ отношеніи къ университетамъ. Одного только боится Генцъ, что Зандъ не умретъ отъ своихъ ранъ. „Это было бы истинное несчастіе!“ восклицаетъ онъ. „Если не дано будетъ законнаго хода правосудію, если процессъ затянется на годы, тогда утратятся всѣ добрыя послѣдствія, которыя могъ бы имѣть этотъ печальный случай. Если же дѣло пойдетъ какъ слѣдуетъ и преступникъ будетъ наказанъ по всей строгости уголовнаго закона, то легко можетъ случиться, что тысячи экзальтированныхъ людей, прославляющихъ его

уже теперь какъ героя, мученика и жертву обскурантизма, пойдутъ еще далѣе въ своемъ безумствѣ и ослѣпленіи. По всѣмъ этимъ причинамъ я отъ души возблагодарилъ бы Бога, если его всемогущая рука во время разрубить этотъ узелъ. Ясно, также, кто истинные виновники преступленія. Это тѣ Фризы, Лудены, Окены, Киферы и подобныя имъ люди, отъ которыхъ должны быть очищены, во чтобы то ни стало, университеты, иначе никакія реформы и мѣры не будутъ имѣть никакого значенія“. Въ этомъ письмѣ Генца заключается, какъ видите, цѣлая программа. Безъ сомнѣнія, эта программа не возникла только послѣ убійства Коцебу, она начертана была уже давно, теперь же насталъ моментъ ея осуществленія. Меттернихъ поспѣшилъ заявить всѣмъ дворамъ о необходимости общихъ и всестороннихъ предпріятій. По его мнѣнію, зло разрослось уже такъ страшно, что никакія частныя мѣропріятія не могутъ помочь противъ него. На этотъ разъ кличъ Меттерниха не остался безъ отвѣта. Уже въ августѣ мѣсяцѣ 1819 г. на конференціи съ прусскими министрами въ Карлсбадѣ, Меттернихъ установилъ цѣлый рядъ мѣръ противъ революціоннаго броженія въ Германіи. Положено было прежде всего истолковать и примѣнять въ строго-монархическомъ смыслѣ 13-й параграфъ союзаго акта, гдѣ говорилось о введеніи конституціоннаго правленія въ нѣмецкихъ государствахъ. Проекти-

ровано было далѣе союзное экзекуціонное положеніе. Противъ университетовъ, прессы и такъ называемыхъ демагоговъ приняты были самыя энергическія рѣшенія. Буршеншафтъ и всѣ гимнастическія общества должны были быть закрыты; во всѣхъ университетахъ должны были назначены особые правительственные чиновники, такъ называемые кураторы, съ обязанностию строго наблюдать за профессорами и студентами. Для всѣхъ газетъ, журналовъ и книгъ менѣе 20 печатныхъ листовъ предположено было ввести цензуру. Наконецъ, для искорененія демагоговъ проектировано было учредить особую слѣдственную комиссію для всей Германіи и облечь ее самыми широкими полномочіями.

Таковы были знаменитыя карлсбадскія постановленія, вскорѣ признанныя всѣми нѣмецкими государствами и получившія силу закона. Чрезвычайно любопытны мотивы, которыми оправдывалъ Меттернихъ принятіе такихъ чрезвычайныхъ мѣръ. Изъ подлиннаго донесенія Меттерниха императору Францу оказывается, что канцлеръ считалъ несомнѣннымъ существованіе сильной революціонной партіи въ Германіи, главнымъ же гнѣздомъ революціи казалась ему Пруссія. Въ Пруссіи существовали, по его мнѣнію, даже двѣ революціонныя партіи, военная и гражданская. Военная партія стремилась увеличить Пруссію путемъ завоеванія, гражданская напротивъ революціониро-

вать и демократизировать самую Пруссію. Нѣсколько революціонеровъ пошли, однако же, вскорѣ гораздо далѣе, и съ своей точки зрѣнія стали на болѣе правильный путь. Они начали стремиться къ самой ужасной цѣли, къ соединенію всѣхъ нѣмцевъ въ одной единой Германіи. Интересно, что всѣ эти крайніе демагоги вышли изъ сословія педагоговъ. Хорошо сознавая, что взрослое поколѣніе не годится для ихъ цѣлей, они сосредоточили всю свою адскую дѣятельность на поколѣнн молодомъ, воспитывающемся. Уже цѣлыхъ четыре студенческихъ поколѣнія прошли черезъ ихъ школу, уже созрѣлъ для революціонныхъ цѣлей цѣлый классъ будущихъ государственныхъ дѣятелей, чиновниковъ, народныхъ учителей, ученыхъ. Пруссія вполнѣ готова для революціи. Самъ король окружонъ заклятыми революціонерами. При такомъ положеніи дѣлъ только одна Австрія можетъ спасти Германію и обуздать революцію.

Когда постановленія, предложенныя канцлеромъ, были одобрены, министры союзныхъ государствъ, собравшіеся въ Карлсбадѣ, обратились къ Меттерниху съ благодарственнымъ письмомъ. Въ панегирическомъ тонѣ прославляли они Меттерниха, какъ героя и спасителя европейскаго общества. Онъ одинъ понялъ всю великость опасности, онъ одинъ добрался до основной причины зла и указалъ на вѣрныя средства къ его искорененію.

Самъ Меттернихъ былъ полонъ гордаго самосознанія, онъ былъ убѣжденъ, что совершилъ великое спасительное дѣло. Съ надменнымъ самодовольствомъ и съ какимъ-то полупрезрѣніемъ выслушивалъ онъ безчисленные поздравленія и комплименты, сыпавшіеся къ нему со всѣхъ сторонъ, отъ частныхъ лицъ, отъ министровъ большихъ и малыхъ государствъ. Оставляя нерѣдко безъ отвѣта всѣ эти официальные дифирамбы, или отвѣчая на нихъ въ самомъ сухомъ, равнодушномъ тонѣ, онъ изливалъ, однако же, собственную радость въ болѣе интимныхъ письмахъ. „Открывается новая эра“, восклицалъ онъ съ восторгомъ, въ письмѣ къ принцу-регенту англійскому. „Дитя, которое носилъ я въ себѣ девять мѣсяцевъ, писалъ онъ 3-го сентября 1819 г. послѣ принятія карлсбадскихъ постановленій нѣмецкимъ бундомъ, увидѣло, наконецъ, свѣтъ божій. На крестинахъ ребенка получить отъ каждой партіи особое имя. Одни назовутъ его чудовищемъ, другіе добрымъ дѣломъ, третіе глупостью. Истина лежитъ въ серединѣ. Первые законныя слова, произнесенныя въ теченіи 30-ти лѣтъ впервые въ духѣ разума, справедливости и опыта безъ задней мысли и прикрасы, безъ мистическихъ и таинственныхъ внушеній, эти слова великое дѣло, важнѣйшее всей моей жизни“. „Зачѣмъ, писалъ канцлеръ нѣсколько позже, я одинъ среди столькихъ милліоновъ людей обреченъ судьбою думать, дѣйстви-

вать и писать за другихъ“. Но хвастовство Меттерниха не остановилось на этомъ, своего апогея оно достигло въ письмахъ къ женѣ. Еще на пути въ Карлсбадъ Меттернихъ писалъ своей супругѣ: „Съ божіею помощію надѣюсь побѣдить революцію, какъ побѣдилъ прежде завоевателя міра. Нѣмецкіе революціонеры думали, что я упустилъ ихъ изъ виду, находясь въ такой дали, за цѣлыхъ 500 миль“ (Меттернихъ былъ передъ тѣмъ въ Римѣ); „но они ошиблись, я непрестанно слѣдилъ за ними, я готовъ теперь къ рѣшительному удару. Nous ferons ici de la grande besogne“. „Роды окончились“, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, по окончаніи конференціи, „дитя явилось. Я доволенъ результатомъ и имѣю полное право на это: совершилось то, чего я желалъ. Да благословитъ небо наше предпріятіе, оно достойно его покровительства, вѣдь дѣло идеетъ о спасеніи міра. Что не могло быть достигнуто 30-ю годами революціи, совершено теперь въ теченіи трехъ недѣль. Впервые явился, наконецъ, на свѣтъ сводъ рѣшительныхъ и годныхъ мѣропріятій для борьбы съ революціею. Теперь все зависитъ отъ выполненія рѣшительнаго, надѣюсь, что оно будетъ хорошо“.

Читая эти изліянія канцлера, невольно приходишь къ мысли, что Меттернихъ отдѣлялся въ это время окончательно отъ своего легкомыслія и чувственного эгоизма, что онъ всецѣло

проникся въ эти минуты величіемъ и важностью своей задачи. Ничуть не бывало! Канцлеръ остался тѣмъ же бонъ-виваномъ, тѣмъ же искателемъ развлеченій и наслажденій, тѣмъ же заклятымъ врагомъ всякаго настойчиваго труда, какимъ былъ онъ всегда и вездѣ. Лучшее доказательство—тѣ же интимныя письма. Спѣша въ Карлсбадъ на рѣшительный бой съ революціею, Меттернихъ радуется въ то же время, что онъ будетъ пребывать въ этомъ обворожительномъ мѣстѣ, *se lieu de charmes et des delices*. По окончаніи ловѣцаній онъ проводитъ цѣлыя часы въ прогулкахъ и бесѣдахъ съ Адамомъ Мюллеромъ. Онъ восхищается остроуміемъ этого пошляка и повторяетъ его сальности. „Сегодня, пишетъ онъ между прочимъ, Мюллеръ доказалъ мнѣ, что онъ учонѣйшій человекъ, по крайней мѣрѣ въ объясненіи свойствъ и природы облаковъ. Онъ утверждаетъ, что есть два рода облаковъ, мужскія и женскія, отъ ихъ соединенія происходитъ дождь; раздѣленные они не производятъ ничего, какъ монастырь капуциновъ, отдѣленный отъ женскаго монастыря“.

Меттернихъ не ошибся въ своихъ расчетахъ и надеждахъ. Карлсбадскія постановленія, скрѣпленные затѣмъ въ Вѣнѣ и Франкфуртѣ, выполнялись именно въ томъ духѣ, который желателенъ былъ австрійскому канцлеру. Тяжелый, не слыханный до тѣхъ поръ гнетъ обрушился на нѣмецкіе университеты.

Цензура не довольствовалась однимъ гоненіемъ политическихъ газетъ и брошюръ, она наложила цѣпи и на чисто научную литературу. Майнцкая слѣдственная коммиссія принялась за розыскиваніе и искорененіе демагоговъ съ ревностью, не оставлявшею желать ничего большаго. Правда, затаенная мысль Меттерниха—сосредоточить въ рукахъ коммиссіи всю охоту за демагогами и устранить отъ участія въ ней отдѣльныя правительства, особенно прусское, которымъ канцлеръ не довѣрялъ,—не удалась вполнѣ, благодаря исконному нѣмецкому партикуляризму, но это обстоятельство нисколько не облегчило участи такъ называемыхъ демагоговъ. Еще до начала карлсбадскихъ конференцій во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и прежде всего въ Пруссіи поднялись усиленные розыски и гоненія на демагоговъ. Знаменитый богословъ де-Ветте удаленъ былъ отъ мѣста за свое письмо къ матери Занда; бумаги извѣстнаго патріота Арндта и обоихъ Велкеровъ, боннскихъ профессоровъ, были конфискованы; Янъ, Фолленъ и другіе взяты подъ арестъ; даже лица, приближенные къ прусскому канцлеру Гарденбергу, какъ, наприм., Фарнгагенъ, фонъ-Ензе попали подъ слѣдствіе. Подобныя же преслѣдованія происходили въ Гессенѣ, Мекленбургѣ, Вюртембергѣ и другихъ государствахъ. Не смотря на всю дѣятельность сыщиковъ, не смотря на тысячи арестовъ, произведенныхъ повсемѣстно, ни централь-

ная майнцкая коммиссія, ни отдѣльныя правительства не могли добиться желанныхъ результатовъ. Воображаемая революціонная партія не могла быть розыскана и искоренена по той простой причинѣ, что она не существовала вовсе. Не представилось даже возможности произнести, за исключеніемъ Занда, ни одного смертнаго приговора. Уже въ сентябрѣ 1819 г., прусскій министръ фонъ-Берншторфъ принужденъ былъ сознаться, что Зандъ не имѣлъ сообщниковъ; но онъ все еще продолжалъ толковать о какой-то партіи, желающей превратить Германію въ республику. Въ какомъ фантастическомъ видѣ представлялась эта партія почтенному министру, видно изъ того, что, по его собственнымъ словамъ, члены партіи поддерживали себя взаимно, не зная другъ друга и понимали другъ друга, никогда не высказываясь. Но не смотря на твердую увѣренность въ существованіи такой странной партіи, не смотря на горы бумагъ, исписанныхъ въ Майнцѣ и Берлинѣ, ничего не было найдено. Майнцкіе протоколы остались тайною, но все-таки тысячи юношей томились по годамъ въ тюрьмахъ, за то, что распѣвали патріотическія пѣсни и носили національную кокарду; множество почтенныхъ и заслуженныхъ лицъ лишились своихъ мѣстъ и подверглись разоренію, за то что осмѣлились отзываться неодобрительно о мѣропріятіяхъ реакціи въ частныхъ письмахъ. Этого мало, гимназистъ, нари-

савшій чорта, проглатывавшаго короля, и другой воскликнувшій, „о, Зандъ, ты не зналъ, какіе мы ослы!“ попали въ число демагоговъ, подверглись арестамъ и преслѣдованіямъ. Приговоры трибуналовъ отличались крайнею суровостью, осуждали не рѣдко къ десятилѣтней каторжной работѣ въ крѣпостяхъ. Постоянные аресты и обыски вносили тревогу въ общество, разрушали семейное счастье тысячъ невинныхъ лицъ. Трудно представить себѣ ту массу зла, которую породила эта охота за демагогами; ничто не можетъ сравниться съ мелочностью всей процедуры съ жестокостью и крайнею неразборчивостью въ средствахъ. Наконецъ, въ 1822 г., коммиссія закончила свою плодотворную дѣятельность и представила подробный officialный отчетъ. И что же оказалось въ результатѣ? Констатировано было существованіе одной маленькой брошюрки, проповѣдывавшей открытый бунтъ. Затѣмъ говорилось очень много о какихъ-то приготовленіяхъ къ революціи, но сама коммиссія принуждена была сознаться, что во всѣхъ этихъ приготовленіяхъ не было ничего серіознаго и опаснаго, что все должно улечься и успокоиться само собою даже безъ всякихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій со стороны правительствъ.

В. Надлеръ.